

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ HISTORICAL SCIENCES

УДК (341.24+342.1+94+39)(045)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.30.60

Российско-норвежское пограничье в зарубежной историографии XX — начала XXI вв. *

© **ЗАЙКОВ Константин Сергеевич**, кандидат исторических наук

E-mail: k.zaikov@narfu.ru

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия

Аннотация. В статье представлен обзор зарубежных исследований по истории российско-норвежского пограничья периода XVI — начала XX вв. Доминирование эмпирического позитивизма и исторического национализма в описании истории разграничения Северного фронта привело к формированию достаточно устойчивых и односторонних интерпретаций процесса делимитации российско-норвежской границы в работах первой половины XX в. Воспринимая государство как априорно объективное явление, историки и правоведы рассматривали под «границей» статичный инструмент политической власти, игнорируя мультипространственность явления и вариативность его субъектов. В скандинавской историографии сложилась историческая традиция восприятия договора о разграничении «общих округов» 1826 г. как справедливого акта институционализации границ над некогда общим владением. В рамках этой традиции может показаться, что норвежские территориальные притязания не выглядят экспансивными в отношении России. Однако в среде скандинавских историков долгое время доминировала теория о том, что Российская Империя, движимая идеей перманентных территориальных расширений, создавала угрозу норвежскому Финнмарку, поэтому разграничение Северного фронта явилось дипломатической сделкой, направленной на создание легитимных барьеров дальнейшей русской экспансии через норвежское заполярье в Западную Европу. Таким образом, автор приходит к выводу, что в методологической перспективе тема эволюции российско-норвежского пограничья остается недостаточно разработанной в зарубежной историографии и требует пристального внимания для создания качественной реконструкции этапов развития российско-норвежского пограничья от территории с фронтальной конфигурацией политических рубежей в XIII — начале XIX вв. до пространства с герметичными политическими границами в XX в.

Ключевые слова: история, граница, фронт, историография, российско-норвежские отношения, российско-норвежское пограничье, саамы.

Russian-Norwegian borderland in the foreign historical literature in the 20th — beginning of the 21st centuries

© **Konstantin S. ZAIKOV**, Cand. Sci (Hist.)

E-mail: k.zaikov@narfu.ru

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

Abstract. The article presents a review of foreign research on the history of Russian-Norwegian borderland in 16th — early 20th centuries. The dominance of the empirical positivism and historical nationalism in the history of the Northern frontier delimitation led to the formation of a relatively stable and unilateral inter-

* Для цитирования:

Зайков К.С. Российско-норвежское пограничье в зарубежной историографии XX — начала XXI вв. // Арктика и Север. 2018. № 30. С. 60–75. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.30.60

For citation:

Zaikov K.S. Russian-Norwegian borderland in the foreign historical literature in the 20th — beginning of the 21st centuries. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2018, no. 30, pp. 60–75. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.30.60

pretations of the Russian-Norwegian border in the first half of the 20th century. The state was perceived as an a priori objective phenomenon. That's why historians and legal scholars understood the "border" as a static instrument of political power, ignoring its multipotential phenomena and variety of its subjects. The Scandinavian historiography has developed a historical tradition of perception of the Treaty 1826 on the delimitation of "common districts" as a fair act of institutionalization of borders over the common possession. As a part of this tradition, it may seem that Norwegian territorial claims did not look expansive in relation to Russia. However, for a long time the Scandinavian historians advocated the theory that the Russian Empire, driven by the idea of permanent territorial extensions, had posed a threat to the Norwegian Finnmark. So, the delineation of the Northern frontier was a diplomatic deal aimed at creating legitimate barriers to further Russian expansion in Western Europe through the Norwegian Arctic. Thus, the author comes to the conclusion that from the methodological perspective, the evolution of the Russian-Norwegian borderlands is still not sufficiently developed in foreign historiography and requires closer attention to create high-quality reconstruction of the Russian-Norwegian borderland evolution from the territory with frontlines configuration of political boundaries in the 13th century — the early 19th century to the space with a sealed political boundaries in the 20th century.

Keywords: *history, border, frontier, historiography, the Russian-Norwegian relations, the Russian-Norwegian borderland, the Saami.*

Введение

Определение, контроль и защита государственной границы являются важнейшими функциями государства, подчёркивающими его суверенитет и демонстрирующими национальную самостоятельность и исключительность. Однако классическое восприятие границы как линии, формирующей пределы территориальности пограничных государств, существовало не во все периоды человеческой истории.

В эпоху античности и средневековья вместо чёткой системы границ на территории Европы существовала линия пограничья «фронта», условно ограничивающая суверенитет каждого королевства по отношению друг к другу, оставляя физические границы государства открытыми для миграции и освоения другими этническими группами и властвующими субъектами [1, Paasi A., с. 19–22].

В 1648 г. по результатам Вестфальского мира, положившего конец череде кровопролитных конфликтов за права наследования территорий и опустошивших Европу, была установлена новая система межгосударственных отношений. Внедрение в международно-правовую практику принципа «государственного суверенитета» внесло принципиально иное содержание в понимание значения и функций границы, завершив средневековую практику существования совместных владений. По итогам соглашения автономность власти каждого европейского государства ограничилась рамками сложившихся природно-географических границ [2, Minghi J., с. 36–37]. Чёткие физические границы служили важным критерием, позволяющим сохранить суверенность государства от внешней угрозы и легитимировать реализацию властных полномочий государства в пределах единой очерченной территории.

Ограничение с XVI в. физико-политического пространства суверенитета привело к переосмыслению отношения власти к собственным полномочиям и последующей консолидации государства, то есть расширению функций властей от простого сбора налогов и организации судопроизводства к более серьёзной экспансии государства в экономическую, соци-

альную и культурную сферы жизни обществ [3, Häkli J., с. 11–12]. Тем не менее институционализация системы европейских границ как чёткой постоянно охраняемой линии завершилась лишь в XIX в.

В XVIII–XIX вв. развитие науки, рационализация управления, рост знаний государства о собственной территории, населении и ресурсах, распространение идей национализма и формирование «народного суверенитета» сыграли ключевую роль в создании новых форм территориальности и критериев демаркации границ [3, Häkli J., с. 12–13].

Так, в период национальной консолидации европейских государств XIX в. возникшее понятие «народного суверенитета» базировалось на аксиоме национальной исключительности нации и праве каждого народа на собственный суверенитет и территорию. Переход от династического к народному суверенитету обозначил существенное расширение акторов, а также критериев разграничения территорий [1, с. 21]. Социокультурное пространство этнических групп, проживающих на соседствующей территории, теперь играло роль определяющего фактора при делимитации физического ландшафта. Это отразилось на общем восприятии границы как исторически сложившейся линии, делящей сформировавшиеся социокультурные границы наций-государств.

Краткий экскурс в историю эволюции восприятия границы и территориальности европейских государств показывает очевидную мультипространственность феномена границы и сложность процесса его формирования. Зачастую в исторической практике межгосударственных отношений проблема очерчивания политических рубежей — главная причина установления первых дипломатических отношений между государствами — играет ключевую роль в развитии их взаимоотношений и выступает мотивом конфликтов и тесного сотрудничества. Не являются исключением из этих правил и российско-норвежские отношения.

Историческое введение в проблему

К XVI в. освоение северных территорий и расширение власти Московского государства и Норвегии в унии с Данией привело к столкновению двух центров консолидации политического пространства и двух социокультурных общностей: западноевропейской, протестантской и русской, православной. Заинтересованность обоих государств в расширении политического пространства и зонах налогообложения послужила поводом к первым контактам и формированию постоянных отношений [4, Johnson O.A., с. 231–236].

К началу XVII в. пределы общего российско-норвежского пограничья — фронта на смежной территории восточного Финнмарка и западной части Кольского полуострова существенно сократились и обрели устойчивые рубежи, в которых он просуществовал до 1826 г. Согласно датским юридическим документам, фронт получил название «общих округов» (*fellesdistrikter*), согласно русским — «двоеданных погостов» — территории трёх погостов / округов между населёнными пунктами саами вдоль рек Нявдема (Нейден), Паз (Пазвиг) и Печенга (Пейсен). Отсутствие единой исторической терминологии в обозначении этого гео-

графического пространства в Норвегии и России обусловило поиск более универсального понятия. С точки зрения расположения общей периферии к национальным центрам можно выделить безусловную «северность» этой территории, поэтому предлагаемое нами понятие «северный фронт» представляется наиболее приемлемым для номинации общего пограничья России — Дании / Норвегии, Швеции / Норвегии в хронологических рамках XVII — начала XIX вв.

Несмотря на определённое раздражение, власти и Норвегии, и России обоюдно признавали общие права на использование ресурсов трёх округов и сбор податей с коренного населения. Однако право на хозяйственное освоение округов не было строго регламентировано, что приводило к локальным конфликтам на почве столкновения хозяйственных интересов русских и норвежских промышленников, а также между пришлыми норвежскими саами и коренными русскими саамами-скольтами.

С изменением в результате эпохи наполеоновских войн (1805–1814 гг.) политической карты Европы на высшем государственном уровне сложились необходимые предпосылки для очерчивания политической границы между Россией и Швецией-Норвегией на Крайнем Севере. В 1814 г. по результатам заключения Шведско-Норвежской унии Норвегия приобрела широкую внутреннюю автономию. Функции норвежских властей по управлению своей территорией значительно расширились, послужив катализатором национальной консолидации и давлению норвежской элиты на шведское руководство в направлении скорейшего разграничения пространства трёх общих округов, наличие которых ограничивало возможности создания эффективных форм контроля, управления и освоения смежной территории. В то же время альянс Российской империи и шведского королевства против наполеоновской Франции сыграл ключевую роль в изменении характера российско-шведских отношений от конфронтации к конструктивному сотрудничеству. Таким образом, положительное отношение правительства России к северному соседу и желание короля Швеции-Норвегии Карла Йохана поскорее решить проблему фронта с Российской империей способствовали успеху дипломатических усилий по проведению совместной делимитации границы и ратификации пограничной конвенции 2 / 14 мая 1826 г.

Граница, установленная в 1826 г., затрагивала экономические интересы жителей Архангельской губернии. После разграничения часть оспариваемых территорий — Нявдемский погост и северо-западная часть Пазрецкого погоста остались за Норвегией. Однако население Архангельской губернии считало все три погоста российской землёй. Они полагали, что российско-норвежская граница уже существовала ранее и проходила намного северозападнее той, что была установлена конвенцией 1826 г. Поэтому фактически сразу после ратификации конвенции появление «новой границы» вызвало её осуждение региональной властью и последующую широкую дискуссию среди политической и научной элиты губернии, активно включившейся в оценку договора и его влияния на дальнейшее развитие приграничного района. В 60-е гг. XIX в. известные исследователи Русского Севера Долинский и

Сидоров подняли вопрос несправедливого разграничения на собрании в Императорском вольном экономическом обществе, положив начало общенациональному обсуждению пограничной проблемы. Участниками этих дискуссий были и архангельские историки-краеведы второй половины XIX — начала XX вв.

Постановка проблемы

Почти всегда скрытое или явное недовольство результатами разграничения постепенно переходит в плоскость последующих научно-исторических и политических дискуссий, сопровождаемых попытками отдельных политических субъектов исправить существующие рубежи. Полемика в оценках разграничения 1826 г. между норвежскими и российскими учёными не прекращается по сей день [5, Zaikov K., с. 1164–1172].

В начале XXI в. усилившийся интерес к теме вызван динамикой российско-норвежских отношений последних трёх десятилетий, которая характеризуется переменным ростом сотрудничества и кооперации, и в то же время соперничества в вопросе о разграничении в Баренцевом Море, в конце концов завершившимся подписанием договора о делимитации морской границы в 2010 г. В связи с этим автор статьи ставит перед собой задачу изучить зарубежную историографию северного фронта в хронологических рамках XVIII — начала XX вв. и определить современное состояние изученности темы.

Дипломатическая и политическая история российско-норвежского пограничья

Наиболее полным трудом по истории северного фронта в хронологических рамках XIV — XIX вв. считается монография норвежского историка О.А. Йонсена «Политическая История Финнмарка», изданная в 1923 г. Основываясь на широком спектре источников из центральных архивов Норвегии, Швеции, Дании и России, автор попытался реконструировать политическую историю пограничного пространства, а также объяснить архитектуру границы 1826 г. [4].

Считая норвежско-новгородский договор 1326 г. отправной точкой для определения политического статуса Финнмарка и Мурманского берега Кольского полуострова, О.А. Йонсен указал на отсутствие политических границ на крайнем севере в XIV — первой половине XVI вв. Вместо политических границ существовали лишь границы зон общей фискальной юрисдикции Норвегии, Швеции и России, и эти зоны были значительно больше территории «общих округов» XVII–XIX вв. Автор полагал, что стремление государств обрести чёткие границы привело к консолидации управления и колонизации, что стало основными факторами постепенного сокращения перекрёстных зон в период с XVI по XVIII вв. О.А. Йонсен относит уже к концу XVI в. появление условных политических и этнокультурных границ Норвегии и России, которые проходили по территории «общих округов» — трёх сиййтов православных саамов (скольтов) — Njåvdån (нор. Нейден, рус. Нявдемский погост), Báhcaveadjí (нор. Пасвиг, рус. Пазрецкий погост), Веаһсап (норв. Пейсен, рус. Печенгский погост) в Южном Варангере [4, с. 84, 195–210].

Норвежский исследователь впервые выявил тенденцию роста промысловой активности норвежских саамов на территории спорных погостов и постепенный их переход от промысловой к поселенческой колонизации, наблюдаемой со второй половины XVIII в. [4, с. 203–215]. Это вызвало недовольство коренного населения — русских саамов и нашло выражение в росте промысловых конфликтов, ускоривших постановку вопроса о разграничении «округов» в начале XIX в. О.А. Йонсен провел довольно точную историческую реконструкцию племенных границ русских саамов-скольтов посредством сопоставления данных протокола майора П. Шнитлера с норвежскими и шведскими картами XVIII — начала XX вв. [4, с. 195–200, 211–215]. Работы по реконструкции границ сиййт впоследствии были существенно дополнены антропологом В. Таннером и российским историком М.Г. Кучинским [6, Tanner V.; 7, Кучинский М.Г.].

О.А. Йонсен заметил, что норвежские региональные власти XVII в. рассматривали русскую промысловую активность на норвежском прибрежном пространстве как возможную угрозу безопасности восточного Финнмарка. Это предопределило устремления финнмаркского чиновничества к делимитации округов и их последующие попытки организовать дипломатические переговоры с Российской Империей в конце столетия [4, с. 217–225]. Идея О.А. Йонсена о влиянии роста поморских промыслов на постановку вопроса о разграничении в дальнейшем была доработана Т. Кристиансеном и нашла отражение в публикациях Й.П. Нильсена и Э. Ниemi [8, Кристиансен, с. 26–52; 9, Niemi, с. 387–415; 10, Nielsen J.P., Zaikov K., с. 67–86].

Несомненная заслуга исследователя — введение в научный оборот большого пласта источников. В первую очередь это документы комиссий стортинга и финансового департамента, которые подготовили разграничительные проекты, а также протоколы делимитационной комиссии Галямина — Спорка 1825 г. и демаркационной комиссии Галямина — Мейландера 1826 г. [4, приложения].

Несмотря на богатый источниковый материал в методологическом плане, труд О.А. Йонсена, написанный в эпоху эмпирического позитивизма, имеет существенные недостатки. Автор воспринимал государство как объективный и статичный в своей идеологии исторический субъект. Главной особенностью его территориальной политики было стремление к территориальным экспансиям и обретению чётких границ суверенитета [4, с. 284–258]. Такой подход в интерпретации интересов государственной политики привел к существенному искажению ролей локально-региональных акторов в процессе пространственной территориализации Норвегии и России и утрированному восприятию пограничной государственной политики. В фактах, связанных с административной и экономической активностью русских подданных и чиновников на территории округов, О.А. Йонсен видит скрытые мотивы русской власти. Так, рост налогообложения, попытки картографирования спорного пространства и расширение промысловой активности поморов исследователь объясняет целенаправленными попытками территориальной экспансии России в северо-западном направлении [4, с.

210–211, 219–222, 231–235]. Поэтому устремления норвежских финнмаркских властей в конце XVIII в. к территориальному межеванию А. Йонсен посчитал ответом на скрытую русскую экспансию с востока [4, с. 233–234]. Такая позиция действительно высказывалась губернаторами Финнмарка Фьелштедтом и Sommerfjeldtom. Однако, игнорируя субъективный характер источников, О.А. Йонсен воспринял суждения губернаторов о России как объективный, достоверный факт и экстраполировал их на объяснение локальных взаимодействий с Россией XVIII — начала XIX вв. [4, с. 221–225, 233–235].

Социально-экономическое и политическое пространство округов О.А. Йонсен реконструирует на основе отчётов губернаторов XVIII в. и протокола П. Шнитлера. Учёный приходит к выводу о том, что в экономическом плане два западных погоста — Нявдемский и Пазрецкий были полностью интегрированы в Восточный Финнмарк [4, с. 214–215, 228–230]. Экономический фактор в труде О.А. Йонсена стал основным стимулом для включения при разграничении части этих погостов в состав Норвегии [4, с. 257]. Такая интерпретация социально-экономических процессов присутствует и в современной норвежской историографии А. Люнда, С. Викана, А. Андресен [11; 12; 13; 14]. В то же время нужно отметить, что О.А. Йонсен, работая над реконструкцией истории пограничья, не имел возможностей провести корреляцию норвежских источников с их российскими аналогами. Поэтому мы предполагаем, что его интерпретация имеет существенные искажения реальной исторической ситуации.

В хронологическом подходе к этапу разграничения исследователь упоминает об отказах России от территориальной делимитации в конце XVIII и начале XIX вв., но не пытается объяснить их причины [4, с. 235–236]. Главным фактором территориального межевания Йонсен считает личностный фактор и изменение геополитической картины Северной Европы по окончании наполеоновских войн.

Стратегическое партнёрство России со Швецией с 1812 г. и крепкая дружба российского императора Александра I с кронпринцем, позже королем Карлом Йоханом, — те две составляющие, которые, как полагал учёный, были главными причинами согласия императора со шведскими предложениями о разграничении округов, несмотря на сопротивление архангельского губернатора С.И. Миницкого [4, с. 236–239, 258]. Эти выводы нашли отражение в работах А. Люнда, С. Викана, А. Андресен, Э. Ниemi, Й.П. Нильсена и М. Лахтеенмаки [11; 12; 13; 9; 15, 10; 16]. К идентичным выводам склоняются российские исследователи В.В. Рогинский, Б.Б. Кристоман и А.С. Касиян [17; 18; 19; 20].

Дипломатическая история российско-норвежского разграничения 1823–1826 гг. частично была изучена в монографии шведского исследователя К.Ф. Пальмшерны, посвящённой предпосылкам ноябрьского трактата 1855 г. Историк попытался проследить влияние проблемы разграничения общих округов на формирование внешнеполитической напряжённости 50-х гг. XIX в. и определить рычаги воздействия большой политики на переговорный процесс. Хотя автор не нашёл фактов, подтверждающих влияние большой политики на дипломатические переговоры или эффект разграничения на большую политику, он впервые

ввёл в оборот широкий ряд дипломатических источников, в первую очередь документов МИД Швеции — Норвегии и часть документов МИД Российской Империи [21, Palmstierna K.F.].

К.Ф. Пальмшерна полагал, что причиной разграничения были конфликты между саамами и стремления Норвегии к установлению границы [21, Palmstierna K.F., с. 223–226]. Анализируя переписку шведских посланников с МИД Королевства, исследователь реконструирует процесс дипломатических переговоров.

Сосредоточившись на центральных исторических персонажах, он существенно сужает влияние региональных и локальных акторов на переговорный процесс, ограничивая его Архангельском — Санкт-Петербургом, с одной стороны, и Христианией — Стокгольмом, с другой стороны [21, Palmstierna K.F., с. 223–235]. Главным противником делимитации границы и инициатором сопротивления норвежско-шведской позиции К.Ф. Пальмшерна считает архангельского губернатора С.И. Миницкого, который в донесениях и личной беседе с главой российского МИД К.В. Нессельроде настаивал на существовании старой границы и систематически отвергал проекты разграничения норвежской стороны [21, Palmstierna K.F., с. 226–228, 230–231].

В отличие от мнения российских историографов К.Ф. Пальмшерна считал, что позиция российских центральных властей в отношении норвежских предложений 1823 и 1824 гг. не была однородной и пронорвежской [21, с. 223–227]. Проанализировав депеши шведских посланников, К.Ф. Пальмшерна заключил, что глава российского МИД К.В. Нессельроде поддерживал инициативы С.И. Миницкого [21, с. 226–227]. Ключевыми факторами продвижения проектов норвежской стороны учёный считал внешнеполитические линии Александра I и Николая I, направленные на поддержание добрососедства с Королевством, а также дипломатический профессионализм посланников Швеции — Норвегии, которые, несмотря на контраргументы российской стороны, умело отстаивали интересы Королевства в переговорный период [21, с. 235]. Историк подчёркивал, что именно шведский дипломат Н.Ф. Пальмшерна в критические моменты летом 1824 г. и весной 1825–26 гг. отстоял норвежские проекты разграничения, когда позиция короля была неустойчивой [21, с. 227–233]¹. Весной 1826 г. Карл Йохан намеривался принять план разграничения Николая I, который существенно сокращал линию границы проекта Галямина — Спорка. Колебания Александра I и Николая I исследователь объяснял скептическим отношением императоров к ценности спорного пространства и арестом подполковника В.Е. Галямина, который с декабря 1825 г. по январь 1826 г. находился под следствием по обвинению в участии в декабристском восстании 1825 г.

Показав противоречия центра и региона Российской Империи в процессе принятия решений, К.Ф. Пальмшерна в то же время не проанализировал и не сопоставил мнения Стокгольма и Христиании. Формируется представление о консолидированной позиции Объеди-

¹ Шведский историк К.Ф. Пальмшерна был дальним потомком шведского поверенного в делах барона Нильса Фредерика Пальмшерны.

ненного Королевства в отстаивании интересов жителей Северной Норвегии. Эта позиция во многом противоречит классической дихотомии центра — периферии и, кроме того, не находит подтверждения при детальном сравнении делимитационных проектов норвежской и шведской сторон.

Отдельно стоит упомянуть вопрос, касающийся обмена территориями, возникший в 40-е гг. XIX в. К.Ф. Пальмшерн считал, что причиной предложений российского императора обменять так называемый «Финский выступ» (Finskekilen) на норвежские земли в Южном Варангере стала попытка императора умиротворить финский парламент, требовавший доступ к морским промыслам для финских лопарей [21, с. 277]. Российские исследователи М. Бородин и В.В. Похлёбкин полагали, что это предложение вызвано реваншизмом Николая I, его осознанием всей несправедливости пограничной конвенции в отношении русских лопарей [22, с. 313–314; 23]. Архангельский историк Б.Б. Кростоман приводит ещё более изощрённую гипотезу, что это предложение — результат расчётливого внешнеполитического манёвра императора, который посредством умиротворения Швеции в 1826 г. хотел добиться расширения границ в 1841 г. [19, Кростоман Б.Б., с. 59–60, с. 98–99]. Источников, доказывающих эти предположения, перечисленные российские исследователи не приводят. Озвученная нами выше интерпретация К.Ф. Пальмшерна остаётся общепринятой в скандинавской историографии версией дипломатической истории российско-норвежского разграничения по мнению А. Лунда, С. Викана, А. Андресен, Э. Ниemi, Л. Ривардена, М. Лахтеенмаки [11; 12; 13; 14; 9; 24; 16].

Последующее обобщение истории пограничья с конструктивистской позиции продолжил профессор из университета Тромсё Э. Ниemi. Используя вторичные источники, исследователь попытался описать эволюции пограничья в контексте истории формирования и развития национальной политики безопасности и с позиции дихотомии центра — периферии [9]. Приложив классическую схему, автор посчитал, что отношение к России на локальном уровне отличалось добрососедством и в то же время ксенофобией в центре (Христиании и Стокгольме).

С одной стороны, устремления финнмаркских властей к разграничению учёный связывал с возросшими хозяйственными интересами норвежских подданных и желанием колонизации южного Варангера, то есть территории общих округов. С другой стороны, устремления к разграничению центральных властей Швеции — Норвегии исследователь связывал с развитием доктрины о русской угрозе. Противоречие побудительных факторов разграничения центра и периферии Швеции — Норвегии, по мнению профессора Э. Ниemi, объясняет противоречивый характер правил, регламентирующих промысловую деятельность приграничного населения Норвегии и России, установленных статьями конвенции 1826 г. [9, с. 69–71].

Изучая консолидацию норвежского государства в пограничном регионе, наблюдаемую во второй половине XIX — начале XX вв., Э. Ниemi пришёл к выводу, что концепция русской угрозы в комплексе с идеологией строительства национального государства подтолкну-

ли к чрезмерной политизации саамских промыслов, которые стали ассоциироваться с частью русских экспансионистских планов. Этот страх, подтверждаемый, как тогда казалось норвежским чиновникам, фактом доминирования в этнокультурном ландшафте норвежского приграничья иммигрантского ненорвежского этнического элемента (финнов, финских и русских саамов), во многом предопределил стремление региональных и центральных властей королевства к реализации со второй половины XIX в. активной политики норвегизации и колонизации Южного Варангера. Такая политика подразумевала широкий комплекс мер, направленных на ассимиляцию саамского населения, изоляцию финского иммигрантского большинства и снижение внешних миграционных потоков [25, Eriksen K.E., Niemi E., с. 28–95]. Дальнейшие попытки властей ограничить поморские и лопарские промыслы в начале XX в. исследователь считал норвежской реакцией на ревизионистские настроения русской общественности, желавшей пересмотреть конвенцию 1826 г. [25, с. 104–105]. Отметим, что, выстраивая свою концепцию, Э. Ниemi ориентировался на документы о спорах с финскими лопарями, но в его монографии «Финская Угроза» политизация промыслов русских лопарей к середине XIX в. аргументирована недостаточно. Это упущение было подмечено А. Андресен, которая, опираясь на норвежские документы, показала, что политизация промыслов русских лопарей в норвежской прессе и процессе администрирования пограничьем наблюдалась значительно позднее политизации вопроса о промыслах финских лопарей [13, с. 70–73]. Она же утверждала, что на практике политизация промыслов русских лопарей существенно отличалась от идентичного процесса в отношении финских лопарей [14, с. 210–211; 13, с. 73–75, с. 83–84].

Одним из элементов норвежской пограничной политики второй половины XIX — начала XX вв. Э. Ниemi считает целенаправленное формирование культурных границ Норвегии путем строительства церковных объектов в приграничной территории. Исследователь полагал, что использование культурно-религиозного пространства в целях обеспечения безопасности и упреждения территориальной экспансии было влиянием России, которая «традиционно» использовала объекты религиозного культа для расширения своих политических пределов [26, с. 153–155].

Исследователи Й.П. Нильсен и Т. Кристиансен продолжили разработку темы русской угрозы в истории российско-норвежского пограничья. Профессор Й.П. Нильсен пришёл к выводу о том, что русская угроза не касалась реальной российской политики в отношении Норвегии. Эта доктрина была лишь ассиметричным восприятием российской политики в норвежской интерпретации, т. е. мифом, системой убеждений и верований, которые нужны Норвегии для ускорения собственной консолидации. В то же время этот миф оказался выгодным Швеции и Великобритании, реализующим свои политические интересы [27, Nielsen, с. 75–94; 15, с. 13–14]. Наибольшее значение для разработки темы истории пограничья имеет предположение учёного о возможной причине долгого отстранения России от пограничного вопроса — отличных представлениях элит обеих стран о собственной территориально-

сти. Существенной характеристикой этих отличий исследователь называет либеральное отношение российской власти к открытым фронтирным зонам, неприемлемое для малого национального государства, которое стремилось к ясным и герметичным рубежам [28, Nielsen J.P., с. 241–246; 15, с. 10–13].

Профессор Т. Кристиансен, изучив материалы докладов профессора Эриксона в 1772 г., губернаторов Фьелдштедта в 1776 г., Соммерфьелда в 1789 г. и журналы военно-морских экспедиций норвежского флота 1816–1818, пришёл к выводу, что русская угроза как система убеждений была распространена не только среди элиты объединённого государства, но и среди населения восточного Финнмарка [8]. Исследователь настаивает, что этот миф считался не просто идеологической конструкцией элит, а порождением опыта ежедневной практики промысловых взаимоотношений между пограничным населением Норвегии и России. Именно рост русской промысловой экспансии второй половины XVIII в., полагает Т. Кристиансен, подтолкнул норвежских чиновников к консолидации на севере [8, с. 29, 36–37]. В отличие от О.А. Йонсена, современный исследователь подчёркивает, что промысловая экспансия поморов являлась стихийным нерегулируемым процессом, не связанным с целенаправленной политикой российских властей [8, с. 44].

Саамы в истории российско-норвежского пограничья

Отдельно необходимо отметить работы, посвящённые локальному пространству пограничья и его коренному населению. Данная тема получила проработку в рамках скандинавской историографии. Главными вопросами, на которых сосредоточилось внимание исследователей, стали правовой статус сийтов скольтов, характер государственной политики в отношении коренного населения, влияние пограничной конвенции и российско-норвежских отношений на саамские трансграничные промыслы.

В отношении правового статуса сийтов историк права С. Тённесен, антрополог В. Таннер, историки А. Андресен и С. Викан сходятся во мнении, что саамские коллективы скольтов считали кровные земли и их ресурсы своей частной собственностью [6; 29; 14; 12]. В этом контексте С. Тённесен и А. Андресен провели сравнение политики Норвегии и России в отношении коллективов. Они пришли к заключению, что Россия признавала монопольное право скольтов на промысловые ресурсы сийтов, в то время как Норвегия стремилась к территориальному расширению без интеграции традиционных прав саамов в правовую систему Норвегии [29, с. 114–122; 14, с. 28–31]. Это, подчёркивала А. Андресен, стало главной отличительной чертой территориальных политик Норвегии и России, которые влияли на делимитационный процесс [14, с. 49–50]. Авторы полагали, что Россия признавала территорию погостов частной собственностью скольтов. Без документального подтверждения Андресен предположила, что это могло исходить из правовой практики России, которая включала в правовое поле государства традиционные нормы народов, входящих в состав империи [14, с. 41]. Подобные размышления выглядят умозрительными. Тем не менее, вывод автора о

значимости территориально-правовой практики России и Норвегии в отношении скольтов для их политической самоидентификации, на наш взгляд, очевиден.

Важнейшим последствием разграничения для коллективов А. Андресен считала постепенную деформацию Нявдемского и Пазрецкого сиййтов [13, с. 44–45, 165–169]. Негативный результат разграничения для скольтов, по мнению автора, стал последствием неудачной попытки Александра I, с одной стороны, балансировать между интересами поморов и коренного населения пограничья, а с другой — поддерживать дружбу с Карлом Йоханом [13, с. 32–33, с. 44]. В то же время она отмечала, что в длительной исторической перспективе саамы не ощущали действия рестриктивных мер конвенции. Изучив промысловые конфликты 50–90-х годов XIX в. и сопоставив их с концепцией Э. Ниemi, исследовательница определила связь с реализуемой политикой безопасности. Страх возможной русской экспансии подталкивал центральные и региональные власти к политике толерантности в отношении промыслов русских лопарей [13, с. 60–87].

В оценках характера административной юрисдикции Норвегии и России над спорным пространством в современной норвежской историографии существует некоторая неясность. Ссылаясь на идентичные документы промысловых споров XVIII в., исследователи А. Андресен и С. Викан приходят к противоположенным выводам. А. Андресен утверждает, что сиййты находились под двойной административной юрисдикцией, в то время как финнмаркский историк-краевед С. Викан полагает, что административная юрисдикция над сиййтами была исключительно у России, а Норвегия лишь пыталась расширить свою судебную юрисдикцию с целью усиления своих территориальных притязаний в регионе [14; 12, с. 39].

Главным недостатком исследований о локальном пространстве стало чрезмерное увлечение анализом деятельности центрально-государственных исторических субъектов процесса территориализации пограничного пространства. Коренное население в работах В. Таннера, А. Андресен, С. Викана выглядит историческим объектом и жертвой государственной политики. Сосредоточившись на анализе социально-экономических эффектов конвенции, учёные оставили за рамками исследований вопросы о влиянии саамов на процесс территориализации пограничного пространства и формирование пространственных образов. Мы полагаем, что ответы на них могли бы качественно улучшить существующие интерпретации территориальных политик, проводимых Норвегией и Россией в пограничном пространстве.

В этом контексте интересна проблемная статья японско-британского историка Марии Ишизуки с акцентом на анализ ролей различных акторов в процессе российско-норвежских и финско-норвежских переговоров 1825–1852 гг. [30, Ishizuka M.]. Исследовательница отметила, что акторы регионального пространства занимали центральное место в конструировании пограничных образов и формулировании практической политики [30, с. 95–96], что расходится с общепринятой в историографии нисходящей моделью отношений центра и региона.

Заключение

Подводя итог обзору зарубежной научной литературы по истории Северного фронта, мы можем отметить, что в норвежской историографии повсеместно нивелируется регионально-государственная дихотомия в восприятии пограничного пространства и коренного населения. Имеющее место экстраполирование классической схемы «центр — периферия» выглядит синтетическим на фоне явного противоречия схемы и фактов, на которые указывал Т. Кристиансен. В контексте реконструкции социально-экономической системы сийтов-скольтов как в скандинавской, так и в российской историографии доминирует источниковая односторонность и пространственная фрагментарность. Обе работы С. Викана и А. Андресен посвящены двум из трёх сийт-спорных территорий. Система их взаимосвязей с Норвегией и Россией проанализирована на основе лишь норвежского пласта источников. Это существенно снижает историческую достоверность производимых авторами реконструкций, а также выносит на повестку современной исторической нордистики вопрос о необходимости создания качественной реконструкции истории Северного фронта с привлечением источников из архивов всех заинтересованных сторон, принимавших участие в процессе формирования политических и социокультурных границ Крайнего Севера Европы (Норвегии, Швеции, Дании, Финляндии и России).

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 17-78-10198 «Политические и этнокультурные границы Российской Арктики: от концептуализации к реконструкции процесса пространственной социализации»).

Литература

1. Paasi A. Mapping the Backgrounds, Contexts and Contests // *B/ordering Space* / Ed.: H. Van Houtum, O. Kramsch, W. Zierhofer. Aldershot: Ashgate, 2005. P. 19–22.
2. Minghi J. Changing Geographies of Scale and Hierarchy in European Borderlands // *Boundaries and Place: European Borderlands in Geographical Context* / Ed.: D.H. Kaplan, J. Häkli. Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, 2002. P. 36–37.
3. Häkli J. Borders in the Political Geography of Knowledge // *The Dividing Line: Borders and National Peripheries* / Ed.: L-F. Landgren, M. Häyrynen. Helsinki: Renvall Institute Publ., 1997. P. 11–12.
4. Johnsen O.A. Finmarkens politiske historie, aktmæssing fremstillet // *Skrifter utgitt av Det norske videnskapsakademi i Oslo, II, Hist. fil. Klasse*. Kristiania: Jacob Debwad Publ., 1922.
5. Zaikov K. The History of the Northern Frontier Delimitation (1822–1826) in the Light of the Russian and European Historiography: the Interpretation and Perceptual Problems // *Bylye Gody*. 2016. № 42(4). P. 1164–1172.
6. Tanner V. Antropogeografiska studier inom Petsamo-området. I. Skoltlapparna // *Fennia*, 1929. № 49(4). 518 s.
7. Кучинский М.Г. Саами Кольского уезда в XVI–XVIII веках. Модель социальной структуры. Альта: Dieđut, 2008.
8. Кристиансен Т. «Русские губят нас; Они лишают нас средств к пропитанию»: Русско-норвежские отношения на Крайнем Севере до 1820 г. // *Русский сборник: Исследования по истории России* / Ред.-сост. О.Р. Айрапетов, М. Йованович, М.А. Колеров, Б. Меннинг, П. Чейсти, Москва. 2010. С. 26–52.

9. Niemi E. Etnisitet, nasjonalitet og grenseforhold i det nordligste Skandinavia fram til vår tid // Grenser og grannelag i Nordens historie / Red. S. Imsen. Oslo, 2005. S. 387–415.
10. Nielsen J.P., Zaikov K. Norway's Hard and Soft Borders towards Russia // *Imagined, Negotiated, Remembered. Constructing European Borders and Borderlands* / Ed.: K. Katajala, M. Lähteenmäki. Münster: LIT Verlag, 2012. P. 67–86.
11. Lunde A. Sør-Varangers Historie. Med bidrag av Povl Simonsen og Ørnulv Vorren. Vadsø: Sør-Varanger kommune, 1979. 887 s.
12. Wikan S. Grensebygda Neiden. Møte mellom folkegrupper og kampen om ressursene. Svanvik, 1995.
13. Andresen A. Sii'daen som forsvant: østsamene i Pasvik etter den norsk-russiske grensetrekningen i 1826. Kirkenes: Sør-Varanger Museum, 1989. 192 s.
14. Andresen A. Russiske østsamers rettigheter i Norge 1826–1925. Myndighetspolitikk og Rettighetsproblematikk // *Hovedoppgave i Historie*. Tromsø: Universitetet i Tromsø, 1983.
15. Nielsen J.P. Some Reflections on the Norwegian-Russian Border and the Evolution of State Borders in General // *Russia – Norway. Physical and Symbolic Borders* / Ed: T.N. Jackson, J.P. Nielsen. Москва: Языки славянской культуры, 2005. С. 7–16.
16. Lähteenmäki M. The Peoples of Lapland. Boundary Demarcations and Interaction in the North Callote from 1808 to 1889. Helsinki: Finnish Academy of Science and Letters, 2006.
17. Roginsky V.V. The 1826 Delimitation Convention between Norway and Russia: a Diplomatic Challenge // *Russia — Norway. Physical and Symbolic Borders* / Ed: T.N. Jackson, J.P. Nielsen. Москва: Языки славянской культуры, 2005. P. 162–168.
18. Рогинский В.В. Конвенция 1826 г. о разграничении между Норвегией и Россией как дипломатическая проблема // *Вестник «Баренц-Центра» МГПУ*. 2008. № 7. С. 25–30.
19. Кристоман Б.Б. История научно-промыслового освоения Европейского Севера в контексте политических интересов Российской Империи в XIX — начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2003. 199 с.
20. Касиян А.С. Лапландский вопрос в российско-норвежских отношениях: разграничение 1826 г. и его последствия в начале XX в. // *Международные отношения на Севере Европы и Баренцев регион: история и историография: сборник научных статей* / Отв. ред. Ю.П. Бардилова. Мурманск, 2008. С. 141–149.
21. Palmstierna C.F. Sverige, Ryssland och England 1833–1855. Kring Novembertraktatens Förutsättningar. Stockholm: P.A. Norstedt & Söner, 1932. 408 s.
22. Бородин М. История Финляндии. Время Императора Николая I. Петроград, 1915. 716 с.
23. Похлёбкин В. Россия первой признала норвежскую независимость // *Международная жизнь*. 1997. № 5. С. 48–61.
24. Ryvarden L., Lauritsen P.R. Norges grense: fra Grisebåen til Barentshavet. Oslo: Cappelen Damm, 2005. 255 s.
25. Eriksen K.E., Niemi E. Den finske fare: Sikkerhetsproblemer og minoritetspolitikk i nord 1860–1940. Oslo: Universitetsforlaget, 1983. 470 s.
26. Niemi E. Kirka som grensefestning: kirkebygning, religiøs spenning og grensesikring i Finnmark 1850–1940 // *Forpost mot øst: fra Vardø og Finnmarks historie 1307–2007: rapport fra det XXXII nordnorske historieseminar, Vardø 21–23 september 2007* / Ed.: R.R. Balsvik, J.P. Nielsen. Stamsund, 2008. P. 153–166.
27. Nielsen J.P. The Russia of the Tsar and North Norway. «The Russian Danger» Revisited // *Acta Borealia*. 2002. Vol. 19. № 1. P. 75–94.
28. Nielsen J.P. Norwegian Images of Russia and the Russians Before 1917 // *Россия и Запад. Исторический опыт XIX–XX веков* / Под ред. М.А. Липкин. Москва: ИВИ РАН, 2008. С. 241–246.
29. Tønnesen S. Retten til jorden i Finnmark: rettsreglene om den såkaldte «statens umatrikulerte grunn»: en undersøkelse med særlig sikt på samenes rettigheter. Oslo: Universitetsforlaget, 1979. 414 s.
30. Ishizuka M. Norwegian-Russian Borderland in Transition: Spatial Perception among Norwegian Elites in 1826–1852 // *Russia — Norway. Physical and Symbolic Borders* / Ed: T.N. Jackson, J.P. Nielsen. Москва: Языки славянской культуры, 2005. P. 95–104.

References

1. Paasi A. Mapping the Backgrounds, Contexts and Contests. *B/ordering Space*. Ed. by H. Van Houtum, O. Kramsch, W. Zierhofer. Aldershot, 2005, pp. 19–22.
2. Minghi J. Changing Geographies of Scale and Hierarchy in European Borderlands. *Boundaries and Place, European Borderlands in Geographical Context*. Ed. by D.H. Kaplan, J. Häkli. Oxford, 2002, pp. 36–37.
3. Häkli J. Borders in the political geography of knowledge. *The Dividing line: borders and national peripheries*. Ed. by L-F. Landgren, M. Häyrynen. Helsinki, 1997, pp. 11–12.
4. Johnsen O.A. Finmarkens politiske historie, aktnæssing fremstillet. *Skrifter utgitt av Det norske videnskapsakademi i Oslo, II, Hist. fil. Klasse*. Kristiania, Jacob Debwad Publ., 1922. 357 s.
5. Zaikov K. The history of the Northern frontier delimitation (1822–1826) in the light of the Russian and European historiography: the interpretation and perceptual problems. *Bylye Gody*, 2016, no. 42(4), pp. 1164–1172.
6. Tanner V. *Antropogeografiska studier inom Petsamo-området. I. Skolt-Lapparna*. Helsingfors, 1929. 518 s.
7. Kuchinskii M.G. *Saami Kol'skogo uezda v XVI–XVIII vekakh. Model' sotsial'noi struktury* [The Saami of the Kola district in the XVI–XVII centuries. Model of social structure]. Alta, 2008. 294 p. (In Russ.)
8. Kristiansen T. «Russkie gubiat nas; Oni lishayut nas sredstv k propitaniyu...»: Russko-norvezhskie otnosheniya na Krainem Severe do 1820 [“The Russians are ruining us; They deprive us of the means to subsistence ...”: Russian-Norwegian relations before 1820]. *Russkii sbornik* [Russian Anthology]. Ed. by O.R. Airapetov, M. Iovanovich, M.A. Kolerov, B. Menning, P. Cheisti. Moscow, 2010, pp. 26–52. (In Russ.)
9. Niemi E. Etnisitet, nasjonalitet og grenseforhold i det nordligste Skandinavia fram til vår tid. *Grenser og grannelag i Nordens historie*. Red. S. Imsen. Oslo, 2005, ss. 387–415.
10. Nielsen J.P., Zaikov K. Norway's Hard and Soft Borders towards Russia. *Imagined, Negotiated, Remembered. Constructing European Borders and Borderlands*. Ed. by K. Katajala, M. Lähteenmäki. Münster, 2012, pp. 67–86.
11. Lunde A. *Sør Varanger Historie Med bidrag av Povl Simonsen og Ørnulv Vorren*. Vadsø, Sør-Varanger kommune, 1979. 887 s.
12. Wikan S. *Grensebygda Neiden. Møte mellom folkegrupper og kampen om ressursene*. Svanvik, 1995. 473 s.
13. Andresen A. *Sii'daen som forsvant. Østsamene i Pasvik etter den norsk-russisk grensetrekningen i 1826*. Kirkenes, Sør-Varanger Museum, 1989. 192 s.
14. Andresen A. Russiske Østsamers Rettigheter i Norge 1826–1925. Myndighetspolitikk og Rettighetsproblematikk. *Hovedoppgave i Historie*. Tromsø, 1983. 150 s.
15. Nielsen J.P. Some Reflections on the Norwegian-Russian Border and the Evolution of State Border in General. *Russia-Norway. Physical and Symbolic Borders*. Ed. by T.N. Jackson, J.P. Nielsen. Moscow, 2005, pp. 7–16.
16. Lähteenmäki M. *The peoples of Lapland. Boundary demarcation and interaction in the North Callote from 1808 to 1889*. Helsinki, 2006. 335 p.
17. Roginsky V.V. The 1826 Delimitation Convention between Norway and Russia: A Diplomatic Challenge. *Russia — Norway. Physical and Symbolic Borders*. Ed. by T.N. Jackson, J.P. Nielsen. Moscow, 2005, pp. 162–168.
18. Roginskiy V.V. Konventsia 1826 g. o razgranichenii mezhdu Norvegiy i Rossiey kak diplomaticheskaya problema [1826 Convention on Border Delimitation Between Norway and Russia as a Diplomatic issue]. *Vestnik “Barents-tsentra” MGPU*, 2008, no. 7, pp. 25–30.
19. Kristoman B.B. *Istoriya nauchno-promyslovogo osvoeniya Evropeiskogo Severa v kontekste politicheskikh interesov Rossiiskoi Imperii v XIX — nachale XX vv.: dis. ... kand. ist. nauk* [The history of scientific and commercial development of the European North in the context of political interests of the Russian Empire in the XIX – early XX centuries: Cand. Sci. (Hist.) diss.]. Arkhangelsk, Pomor State University Publ., 2003.
20. Kasiyan A.S. Laplandskii vopros v rossiisko-norvezhskikh otnosheniyakh: razgranichenie 1826 g. i ego posledstviya v nachale XX v. [The Lapland issue in Russian-Norwegian relations: the demarcation of

- 1826 and its consequences at the beginning of the 20th century]. *Mezhdunarodnye otnosheniya na Severe Evropy i Barentsev region: istoriya i istoriografiya: sbornik nauchnykh statei* [International relations in the North of Europe and the Barents Region: history and historical literature]. Ed. by Yu.P. Bardileva. Murmansk, 2008, pp. 141–149. (In Russ.)
21. Palmstierna C.F. *Sverige, Ryssland och England 1833–1855. Krig November traktaens Förutsättningar*. Stockholm, 1932. 408 s.
 22. Borodkin M. *Istoriya Finlyandii. Vremya Imperatora Nikolaya I* [History of Finland. Time of the Emperor Nicholas I]. Saint Petersburg, 1915. 716 p. (In Russ.)
 23. Pokhlebkina V. Rossiya pervoi priznala norvezhskuyu nezavisimost' [Russia was the first to recognize Norwegian independence]. *Mezhdunarodnaya zhizn'* [International affairs], 1997, no. 5, pp. 48–61.
 24. Ryvarden L., Lauritsen P.R. *Norges grense: fra Grisebåen til Barentshavet*. Oslo, Cappelen, 2005. 255 s.
 25. Eriksen K.E., Niemi E. *Den finske fare: Sikkerhetsproblemer og minoritetspolitikk i nord 1860–1940*. Oslo, 1983. 470 s.
 26. Niemi E. Kirka som grensefestning: kirkebygging, religiøs spenning og grensesikring i Finnmark 1850–1940. *Forpost mot øst: fra Vardø og Finmarks historie 1307–2007: rapport fra det XXXII nord-norske historieseminar, Vardø 21–23 september 2007*. Ed. by R.R. Balsvik, J.P. Nielsen. Stamsund, 2008, pp. 153–166.
 27. Nielsen J.P. The Russia of the Tsar and North Norway. "The Russian danger" Revisited. *Acta Borealia*, 2002, no. 1, pp. 75–92.
 28. Nielsen J.P. Norwegian Images of Russia and the Russians. *Rossiia i Zapad. Istoricheskii opyt XIX–XX vekov* [Russia and the West. Historical experience of the XIX–XX centuries]. Ed. by M.A. Lipkin. Moscow, 2008, pp. 241–246.
 29. Tønnesen S. *Retten til jorden i Finnmark: rettsreglene om den såkaldte «statens umatrikkulerte grunn»: en undersøkelse med særlig sikt på samenes rettigheter*. Oslo, Universitetsforlaget, 1979. 414 s.
 30. Ishizuka M. Norwegian-Russian Borderland in Transition: Spatial Perception among Norwegian Elites in 1826–1852. *Russia — Norway. Physical and Symbolic Borders*. Ed. by T.N. Jackson, J.P. Nielsen. Moscow, 2005, pp. 95–104.